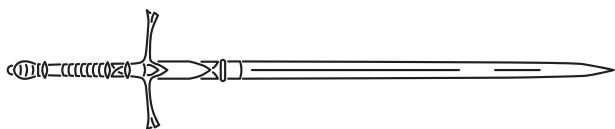

Лори М. Ли, другу и чемпиону

Часть 1

ДОЧЬ ИЗМЕННИКА

1. Кейт

ОСТАТЬСЯ В ТЕМНОТЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ЗНАЧИЛО УМЕРЕТЬ.

На земли Инея опускалась ночь. Кейт Брайтон подгоняла усталого коня. Тот с трудом переставлял ноги, громко всхрапывал, его бока и шея покрылись пеной. Однако передохнуть или хотя бы сбавить ход было нельзя. Требовалось во что бы то ни стало добраться до города прежде, чем закроют ворота.

«Далеко еще?..» — наверное, уже в сотый раз подумала Кейт, но Фархольда по-прежнему видно не было. Дорога петляла между холмами, заслонявшими обзор. Тени становились все глубже и сумрачнее. Горецвет, волнами стекавший по склонам, складывал свои лепестки. Луна с бледным серебристым нимбом выглянула из-за восточной гряды, подобно недреманному оку на синеватом лице неба.

— Давай же, Пип, — прошептала Кейт и тяжело привстала в стременах.

После нескольких часов, проведенных в седле, бедра горели. Заслышав свое имя, Пип насторожил

изящные уши, но шагу не прибавил. Мерин даже не устал — он совершенно выбился из сил. Кейт чувствовала его боль безо всякой магии, видя, как сгибается лошадиная шея и грузно ступает левая передняя нога. Когда же Кейт пускала в ход магию, боль будто становилась ее собственной и она ощущала горячую пульсацию, поднимающуюся от копыта. После долгого пути крошечная трещинка грозила превратиться в настоящий перелом.

Сердце сжалось. Если кость сломается... Кейт одернула себя, не позволяя мысли пустить корни.

Избавиться от угрызений совести было сложнее. Ну что стоило задержаться в почтовой башне, где они ночевали на обратном пути из Марареда, в пятидесяти милях к востоку? Наверняка приехал бы другой почтарь и помог ей. Правила поиска пропавших гонцов у Королевской почтовой службы Инея исполнялись строго. Чаще всего их убивали ночные дрейки, выходявшие на охоту после заката. Твари, хозяйничавшие в этих землях с наступлением темноты, пожирали всех всадников и их коней, которых им удавалось настичнуть. Спаситься можно было лишь за крепкими городскими стенами, волшебными барьерами из стражкамней или в почтовых башнях.

Кейт не заметила травмы мерина. Пип, хотя и изнуренный вчерашней ездой, покинул башню довольно бодрым. А потом, на полпути к Фархольду, — бац! — и здоровую вроде бы ногу точно огнем ожгло. Кейт сразу же спешила и наложила повязку из тряпок, лежавших в седельной сумке. Она хотела остановиться, боясь, как бы коню не стало хуже, но надо было ехать дальше. Она позволила себе лишь немного придержать Пипа, чтобы поберечь его ногу. Промедление стало очередной

ошибкой, за которую теперь она расплачивалась отчаянной скачкой наперегонки с наступавшей темнотой. Если бы Кейт только могла придержать солнце, как своего коня... Однако такое деяние по силам лишь Каро, а бог неба вряд ли снизойдет к ее мольбе.

— Мы почти у цели, — сказала Кейт, пытаясь донести до Пипа сложную мысль.

Ее дар позволял ей проникать в умы животных, даже повелевать ими, но добиться от них понимания было непросто. Лошади думают не словами и идеями, а образами и ощущениями, и «говорить» на их языке куда сложнее.

Тем не менее на мгновение Кейт почувствовала, будто Пип приободрился. Аллюр сделался легче, голова приподнялась. Дорога поползла вверх, и мерин перешел с галопа на рысь. Кейт едва сдерживалась, чтобы не начать его понукать. Впереди все еще розовел мазок закатного света, а Пипу нужно было перевести дух. Оставалось надеяться, что до Фархольда действительно рукой подать. Сейчас, должно быть, они находились в холмах, подпиравших город с востока, в полутора часах езды. Однако Кейт проезжала этим путем лишь однажды и могла ошибаться. Длинный, напряженный мараредский маршрут предназначался для опытных курьеров, а Кейт прослужила в фархольдских почтарях только три года.

И все же чутье не подвело. Едва они взобрались на вершину холма, как показалась зубчатая каменная стена. До города оставалось около мили. На фоне сгущающейся мглы ярко, будто звезды, светились страж-камни в амбразурах. Магия, таившаяся внутри каждого камня, служила единственной цели: отгонять стаи ночных дрейков. Никто не

знал, из каких нор вылезали эти твари, но появлялись они всегда уже с темнотой и бесчинствовали до самой зари.

По обеим сторонам дороги, от подножья холмов до городских стен, тянулись нивы. Зеленые колосья, доходившие Пипу до середины ноги, колышались под ветром и тихо шуршали. Кейт от всей души надеялась, что это именно ветер. В сумерках там вполне могли прятаться дрейки, не выносившие даже косых солнечных лучей. Под прикрытием высоких стеблей самые мелкие и робкие дракончики чувствовали себя увереннее и первыми выходили на охоту. Один такой дрейк острыми, как кинжалы, зубами и когтями без особых усилий мог задрать лошадь. Размера твари были разного: одни величиной со свинью, другие — с быка. И все — смертельно опасны.

Пока, впрочем, путь казался свободным, и Кейт позволила Пипу спускаться с холма шагом — нагрузка на поврежденную ногу и так была немалой, чтобы еще и подгонять мерина. Каждый шаг отзывался режущей болью в теле коня и наездницы. Кейт хотела и не смела отстраниться от мучений, из-за которых у нее кружилась голова. Если она не разделит боль Пипа, этого перехода ему не одолеть. Он славный конь, но даже самое крепкое духом существо не может вечно сопротивляться физической боли.

Кейт вглядывалась в окрестные поля, вздрагивая при каждом шорохе. Она отвязала притороченный к седлу лук и держала его наготове. В колчане за спиной было двенадцать стрел: шесть с обычными стальными наконечниками и шесть зачарованных магией, схожей с магией стражкамней. Пробить шкуру ночного дрейка — задача

не из легких, однако волшебные стрелы справлялись с этим еще на подлете. Пистолы тоже годились, вот только против целой стаи однозарядный пистоль бесполезен. Первого дракона уложишь, а остальные доберутся до тебя прежде, чем успеешь перезарядить.

Кейт сжала коленями бока Пипа, подгоняя его. Тот фыркнул и протестующе вскинул голову. Звякнули удила. Кейт не винила мерина: при галопе боль усиливалась. На миг задумалась, не позволить ли Пипу идти шагом, но тут до ее слуха донеслись два звука: удар фархольдского колокола, возвещающий о скором закрытии ворот, и повизгивание ночного дракона где-то за спиной. Оба эти столь разных звука возымели одно и то же действие: Кейт ударила пятками по бокам Пипа, послав ему образ нападающего дрейка. На сей раз у коня не возникло сомнений, и он перешел на галоп.

Обернувшись, Кейт разглядела прямо за собой среди колосьев два ярко мерцающих глаза. Дрейк обходил их слева, пока еще прячась в поле. Вот именно что пока. С бьющимся сердцем Кейт молниеносно выхватила стрелу, наложила ее на тетиву и выстрелила. Промахнулась, конечно, зато отпугнула тварь, быстро ретировавшуюся вглубь посевов. Там наверняка были и другие. Дрейки всегда держатся стаями.

Кейт повернулась так резко, что ветер свистнул в ушах, почти заглушив звон колокола. В воротах показалась упряжка волов, с помощью которых закрывали тяжелые створки.

— Подождите! — закричала Кейт. — Подождите меня!

Стоит воротам закрыться — их уже не откроют до утра. Во всяком случае, для простого почтаря.

В город можно было попасть и через потайную волшебную дверь, но отыскать и открыть ее по силам лишь чародеям. Кейт же владела иной магией: дикой, запретной, тайной магией, позволяющей влиять на животных.

Если погонщики волов и услышали крик, то никак на него не отреагировали. Кейт вновь поторопила коня. На краткий миг он вроде бы приободрился, но затем боль в ноге усилилась. Колосья позади зашуршали громче. В отдалении повизгивала вся стая. Дрейки окружали. На крепостную стену вышли лучники, готовые сразить бестий, если те подберутся к городу до того, как ворота закроются.

«Давай же, Пип!»

Стиснув зубы, Кейт зажмурилась и попыталась поглубже проникнуть в разум коня, подобраться к его средоточию, самой сути. Подобное средоточие души имелось у всех животных. Оно напоминало огонек свечи, который Кейт могла видеть внутренним зрением благодаря своему дару. Разглядев этот огонек, она обволокла его магией, ограждая коня от боли и забирая ее себе... Дыхание перехватило, однако трюк сработал. Пип встряхнулся и размашисто поскакал по дороге.

И вот они уже скользнули в узкую щель между створками под защиту стен Фархольда. Ворота с грохотом закрылись. Кейт не поддавалась порыву покинуть разум коня: побоялась, что тот не выдержит обрушившейся на него боли. Осадив Пипа, она спешила и осторожно сняла магические узы. Конь задрожал, пытаясь удержаться на трех ногах.

Не обращая внимания на любопытные взгляды стражников, Кейт медленно повела хромающего мерина вперед. Почта находилась недалеко от

восточных ворот, но для бедняги Пипа и этот путь был слишком длинен. Кейт не рискнула поддерживать их связь, и теперь ему приходилось переносить всю боль самостоятельно. В Фархольде, как и в прочих городах Инея, имелись чародеи, а у чародеев — страж-камни, способные отследить дикую магию. Если дар Кейт обнаружат, ее ждут тюрьма и казнь — судьба, которой она страшилась не только по очевидной причине. Впрочем, сегодня ее дар уже был бессилён: дикая магия действовала лишь днем. После захода солнца она засыпала, подобно горецвету в холмах, пробуждаясь лишь с рассветом.

Тем не менее Кейт сделала все возможное, чтобы помочь Пипу. Сняв седло и тяжелый мешок с почтой, она взвалила их на себя, невзирая на усталость. Она попыталась утешиться тем, что они все же успели добраться до города, но глаза защипало от слез. Что же она натворила? Погубила коня, спасая свою жизнь.

К тому времени, когда они с Пипом добрались до почты, окруженная ореолом луна уже взошла, заливая мостовую серебристым светом. Ирри, богиня луны, не любила терять время попусту и выкатила на небо сияющий шар. Кейт предпочла бы тьму, которая скрыла бы ее вину. Железные ворота конюшни оказались заперты изнутри. Она закричала, чтобы ей открыли. Дверь главного здания скрипнула, и на пороге появился парень.

— Ты опоздала, Изменница Кейт, — издевательски произнес Корт Оллгуд.

Она промолчала. Корт так часто звал ее этим прозвищем, что она давно перестала обижаться.

— Мы думали, тебя дрейки задрали, — криво ухмыльнулся он. — Даже начали делать ставки. По твоей милости я потерял несколько валентов.

Сжав губы, Кейт поправила лямку почтового мешка, оттягивавшего плечо. *«Должно быть, боги сильно меня невзлюбили, раз послали навстречу именно этого типа»*, — подумала она.

— Открывай ворота. Пип охромел.

Корт посмотрел на мерина и покачал головой. Его светлые кудри резво запрыгали. Вместо почтарской формы на Корте была зеленая рубаха на выпуск, бриджи и высокие черные ботинки. Глядя на этот щегольской наряд, Кейт остро ощутила, какая же она замарашка. Кое-как расправила замызганную рубашку, отбросила со лба прядь иссиня-черных волос, выбившуюся из заплетенной еще утром косы.

— Твой конь не охромел. Он, считай, что околел, — вынес вердикт Корт, осмотрев Пипа.

— Отпирай ворота! — Кейт вцепилась в поводья.

— Как его угораздило? — Корт вновь встряхнул кукольными кудрями. — Ты на нем со скалы спрыгнула, что ли? Могу поклясться, нас этому не учили.

Кейт отвернулась к воротам и уже открыла было рот, чтобы позвать кого-нибудь другого, но Корт скрылся в доме. Вскоре он появился в конюшне и отпер ворота.

— Пойдем, Пип. Еще чуточку. — Кейт потянула коня за поводья.

— Бедолага. — Корт хлопнул его по крупу, и мерин вздрогнул. — Вот что бывает, когда таскаешь на спине изменников. Между прочим, — Корт, кривляясь, подпер подбородок кулаком, — что там говорится в клятве почтарей, а, Изменница Кейт? Насчет защиты коня любой ценой?

Она молча прошла внутрь, чувствуя, что от каждого его слова закипает кровь. У нее имелись

все основания ненавидеть Корта Оллгуда. Он первым узнал, кем она была на самом деле: Кейт Брайтон из Норгарда. Дочь Хейла Брайтона, человека, пытавшегося убить верховного короля Инея.

Дочь изменника.

После казни отца Кейт, убегая от прошлого, перебралась в Фархольд, где надеялась начать новую жизнь под новым именем. Первые десять месяцев все шло хорошо, а потом Корт увидел ее портрет в ежемесячном «Королевском вестнике» — альманахе, который недавно начал выпускать двор, рассылая его во все крупные города Инея. Портрет сопровождался статьей о том, как год назад король счастливо избежал покушения Хейла Брайтона. Через несколько дней почтарке Кейт Миллер пришлось вновь стать Кейт Брайтон. Еще повезло, что не выгнали.

— С другой стороны, — продолжал разглагольствовать Корт, шагая рядом, — сдержи ты клятву, что бы случилось с твоей репутацией изменницы? — Он помедлил, нахмурившись. — Мне всегда было любопытно, из-за чего твой отец покушался на короля? Об этом нигде не пишут. А ты знаешь?

Кейт не ответила. Она и сама множество раз задавалась тем же вопросом, но ответа на него так и не узнала. И не узнает уже никогда. Как любят говаривать священники, мертвые правды не выдают.

Заметив подручного конюха, Кейт помахала ему:

— Приведи-ка сюда мастера Льюиса.

Мальчик, похоже, собирался запротестовать, но увидев ковыляющего на трех ногах Пипа передумал. Пока подручный бегал за мастером, Кейт повела мерина к восточным денникам. Корт было

пошел за ней, готовый изречь очередную язвительную тираду, но тут кто-то окликнул его по имени. Отозвавшись, он опять повернулся к Кейт:

— Ладно, мне пора, Изменница. Удачи в спасении этого обреченного коняги.

— Заткнись! — Она больше не в силах была сдерживать гнев. — Пип вовсе не обречен.

Корт торжествующе загоготал.

— Я предложил бы тебе сделать ставку, но в этом нет никакого азарта, если результат известен заранее.

Подмигнув ей, он развернулся и ушел.

«Надеюсь, Корт Оллгуд, ты подавишься собственной желчью», — мысленно огрызнулась Кейт.

Она как раз завела Пипа в денник, когда пришел мейстер. Невысокий, тонкий и гибкий, как хлыст, Дикон Льюис, несмотря на немалый возраст, мог дать фору любому наезднику, состоявшему под его началом. Короткие черные волосы, тронутые сединой, обрамляли смуглое костлявое лицо, туго обтянутое старческой кожей. Он и так-то отличался крутым нравом, а сегодня Кейт и вовсе боялась поднять на мейстера глаза, опасаясь заслуженной взбучки. Она то и дело безотчетно разглаживала рубашку, словно надеясь, что опрятный вид поможет смягчить наказание.

Мельком глянув на Кейт, мейстер остановился, осматривая Пипа. Затем он вошел в денник и провел рукой по больной ноге. Мерин недовольно шарахнулся. Льюис отпустил ногу, выпрямился и со вздохом произнес:

— Я вызову целителя.

Сомнение в его голосе стало для Кейт ударом под дых.